

ДИСКУССИИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ВЕРШИННЫЕ УРОВНИ ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ*

© 1999 г. Б. С. Братусь

Профессор факультета психологии МГУ

Статья А.В. Брушлинского [4] приглашает к дискуссии по проблеме опосредствования деятельности как одной из несомненно кардинальных для отечественной психологии. И хотя основная задача публикации, в основном, критический анализ русского перевода новой книги М. Коула [6], содержащиеся в статье положения имеют самостоятельное и принципиальное значение, что требует, на наш взгляд, отдельного к ним отношения. Прежде всего, это напоминание о том, что опосредствование есть предельно широкое и фундаментальное явление, которое “характеризует абсолютно все без исключения уровни и сферы бытия, т.е. оно является универсальной, всеобщей категорией, распространяющейся на Вселенную в целом и на все ее подсистемы”. Отсюда вывод, что “любая деятельность есть также и опосредствование, но не наоборот: далеко не всякое опосредствование есть деятельность” [4, с. 124].

Этот важный вывод заставляет Брушлинского усомниться: “некоторые последователи Выготского считают его чуть ли не родоначальником психологической теории деятельности прежде всего на том основании, что он придавал решающее значение проблеме средств (орудий и т.д.), с помощью которых и развивается специфически человеческая психика у детей” [там же, с. 122]. Думается, что эти сомнения все же напрасны, ведь именно идея опосредствования стала во многом конституирующей для возникшей вслед за этим общепсихологической теории деятельности; она послужила отправным моментом, толчком, без которого не состоялся бы и весь процесс в целом.

Другое дело – и здесь Брушлинский совершенно прав – сводить опосредствование к рамкам деятельности абсолютно недостаточно. Деятельность пусть и необходимый, но лишь один из уровней взаимодействия с миром; замкнуть в нем человека значит редуцировать, упростить его образ. Возьмем, например, сферу смыслов. Можно ли всю вертикаль этой сферы рассматривать только с позиций обычной деятельностной схемы: мотив, цель, операция, смысл как отражение отношения мотива к цели и т.п. [7].

Очевидно нет, и чем выше мы поднимаемся по этой вертикали от смыслов практических, эгоцентрических к просоциальным, личностным, духовным [2], тем в большей степени чисто деятельностные представления становятся недостаточными для отражения этих аспектов. П.А. Флоренский, который еще до Л.С. Выготского четко поставил проблему орудийности человеческой психики, писал, что творчество разума распадается на производство вещей, смысл которых еще не нагляден, и производство смыслов, реальность которых не очевидна. Необходимо поэтому доказывать осмысленность вещей и вещьность смыслов. Понятно, что это весьма разные формы активности, можно, конечно, сказать, что разные формы деятельности, но разность при этом настолько существенна, что стоит ли в этом случае называть их одним именем. О необходимости восхождения психологии к иным слоям писал и С.Л. Рубинштейн в своем замечательном, уже посмертно опубликованном труде “Человек и мир”: за проблемой психического “закономерно, необходимо встает другая, как исходная и более фундаментальная – о месте уже не психического, не сознания только как такового во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни” [9, с. 256].

Это несовпадение двух сфер – вещной и смысловой, создаваемое между ними внутреннее напряжение, противоречие есть по сути отражение общего противоречия между обусловленной данной конкретной ситуацией, протекающей в узком времени пространства деятельности человека, и его потенциальной универсальностью, безграничными возможностями, безмасштабным развитием, предполагаемым родовой человеческой сущностью [1]. Отсюда возникновение иного уровня опосредствования, иного исходного взгляда на мир. «Убеждение в том, что вещи существуют не сами по себе, а обладают еще каким-то важным и существенным для человека “смыслом”, растет из особого положения человека в мире, – пишет В.М. Межуев. – В своем стремлении постичь смысл вещи, раскрыть его средствами мифологического, религиозного, художественного или философского сознания люди исходят не из своей чисто природной потребности в ней, а из своей общественной, “родовой” потребности, определяемой существованием того обще-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ.

ственного целого, к которому они принадлежат. Они как бы смотрят на вещь глазами этого целого, пытаются увидеть в ней то, что имеет значение для их жизни в границах данного целого. Будучи сам "родовым" существом, человек и в вещах ищет то, что составляет их общий "вид", "эйдос", "идею", что образует их "родовую сущность"» [8, с. 46].

Известно, что в рамках деятельности центральным, запускающим моментом становится ее предмет, цель осуществления, в зависимости от чего подбираются, варьируются средства, орудия, задачи. Брушлинский несколько смягчает это положение, но суть остается той же. "Неверно, — пишет он, — что цель оправдывает средства, но верно, что она их детерминирует в конкретных условиях постановки и решения определенной задачи" [4, с. 124]. Смысловая сфера, напротив, фокусируется на средствах, они, в конечном итоге, определяют цель, вернее, способны ее оправдать или, напротив, осудить, несмотря на достигнутый успех реализации предметной деятельности. Если в первом случае победителей обычно не судят, а побежденных не оправдывают, то во втором победителей могут судить, а побежденных оправдывать. Речь, таким образом, идет об определенной плоскости бытия, где все выступают равными вне зависимости от материальных и социальных успехов, статуса и достижений. Очевидно, что это область — плоскость нравственно-смысловая, в пределе духовная, пронизывающая деятельность, но не сводящаяся к ней.

С этим связано, на наш взгляд, еще одно критическое положение статьи Брушлинского. "В теории Выготского, — пишет он, — средства оторваны от того, средством чего они являются. Рубинштейн и Леонтьев справедливо отмечали, что в этой теории средство (слово-знак) превращается в демиурга мышления и вообще психики у детей. Если субъектно-деятельностная концепция исходит из того, что вначале было дело, то для теории Выготского вначале было слово (хотя он иногда как будто бы не соглашается с этим положением из Библии). Гипертрофия (абсолютизация) средств и прежде всего словесных знаков как главных и даже единственных оснований психического развития человека уводит в сторону от теории (изначально практической) деятельности, а тем более от субъективно-деятельностной концепции" [4, с. 123].

Думается, что это замечание, высказанное впервые уже достаточно давно [3], несколько противоречит выше приведенному утверждению Брушлинского о том, что Выготский занимается проблемой средств, орудий, а не проблемой деятельности в ее уже позднее сложившемся понимании. То, что для Выготского, пусть и со всеми оговорками, "вначале было слово", не уничтожа-

ет в данном случае леонтьевско-рубинштейновского "вначале было дело", а указывает на саму возможность наддеятельностных (надделовых) пространств с иными законами становления и существования.

Если же говорить здесь о возможных добавлениях, уточнениях, то, на наш взгляд, опосредствующая инстанция на определенных уровнях может быть понята как специфическое смысловое поле, для усвоения и понимания которого требуется вхождение в это пространство, его обживание, бытие, переживание и страдание в нем. Знак относим к этому пространству как раскопанный археологами черепок к той реальной похлебке, которая некогда варила в нем в окружении людей, предвкушавших трапезу. Этот жизненный, бытийный аспект в теориях деятельности был по ряду обстоятельств убран, нивелирован, но у Выготского он еще ощущается, за словом угадывается гул жизни. Вспомним, что он как мыслитель начал с "Гамлета" и закончил им: только эту книгу взял он с собой в больницу, из которой уже не вернулся. Еще раз откроем его раннее сочинение о шекспировском герое: "Трагическое как таковое вытекает из самих основ человеческого бытия, оно заложено в основании нашей жизни, возвращено в корни наших дней. Самый факт человеческого бытия — его рождение, его данная ему жизнь, его отдельное существование, оторванность от всего, отъединенность и одиночество во вселенной, заброшенность из мира неведомого в мир ведомый и постоянно отсюда проистекающая его отданность двум мирам — трагичен" [5, с. 126]. Мог ли человек, в молодости написавший эти строки, свести затем все к делу, порождаемому самим индивидом?

Следует отметить и еще одно последующее упрощение. В общепсихологической теории деятельности индивид может быть понят как поглощающий, интериоризирующий знаки культуры и через них культуру в целом. При этом внутренний мир идеального изоморфен миру внешнему, материальному, из которого он и строится (вначале — дело). П.Я. Гальперин, например, столько раз повторял на своих лекциях следующую фразу Маркса, что я запомнил ее со студенческих лет: "Идеальное есть не что иное, как материальное, перенесенное в голову и преобразованное в ней". Но вот я задумываюсь, что было такого материального в моих, скажем, личных отношениях с тем же Гальпериным, Б.В. Зейгарник, с А.Н. Леонтьевым или с совсем недавно ушедшим от нас В.В. Давыдовым, что "перенеслось в мою голову и преобразовалось" так, что стало внутренним, идеальным, стало опорой, одним из средств жизни? Например, с Давыдовым у меня были лишь отдельные беседы, участие в семинарах, чаепития, одно из посещений ресторана, попытки помощи в его некоторых просьбах, присланная в

горький момент телеграмма... Или вот последняя встреча. За две недели до кончины Давыдова, в начале марта 1998 года мы с В.В. Умрихиным встретили его выходящим из Психологического института на Моховой, обрадовались, взялись провожать до метро, на станцию Боровицкая. Это, наверное, метров пятьсот, но шли мы это расстояние часа два. Через каждые несколько шагов В.В. останавливался посреди тротуара, громким, ясным, привыкшим к большим аудиториям голосом подробно освещал свою точку зрения, спорил, горячился, с научных тем переходя на житейские, вспоминал, шутил, рассказывал анекдоты, заразительно смеялся. Публика недовольно озиралась, огибая на тротуаре странную троицу. Последний наш разговор был о душе. Под конец я сказал, что собираюсь устроить в университете семинар на эту тему и пригласил на него. В.В. ответил: "Ну что же, звони, приду...". Семинар на тему "Проблема души в психологии" состоялся 8 апреля 1998 года и был посвящен памяти В.В. Давыдова. Одна из самых больших аудиторий факультета психологии МГУ в тот вечер была забита до отказа...

Так или иначе, но во всем этом явно мало внешнего материала, он несопоставим с тем внутренним, идеальным, что питает память, соучастие, волнение, внутренний диалог, эффект соучастия и соприсутствия. Суть, очевидно, не во внешних знаках, а в смысловом поле, их порождающем. Знак тогда вторичен, он резюмирует, вернее, дает возможность для резюме, итога, точки зрения, усмотрения. Он нечто малое, что свидетельствует, намекает о большом. М.К. Мамардашвили говорил о зазоре, паузе, перерыве в действительности, посредством которого открывается возможность, часто как свет молнии мгновенная, увидеть нечто большое, превосходящее действительность. Каждый знак интригует, намекает, таит, обещает эту возможность, но осуществлена она может быть лишь при определенных условиях, труде, внутренней жизни, бодрствовании. "И если, — писал философ, — мы упустили эту секунду, не расширили работой этот открывшийся интервал, то ничему не быть" [цит. по 1, с. 57].

Попытаемся расширить тот малый, мгновенный интервал жизни, когда мы с Умрихиным провожали Давыдова до метро. Помимо интереса, почтения, научной беседы, теплых дружеских чувств, происходящее несло в себе и иной смысл, тогда в полноте отнюдь не ощущаемый, но тем не менее преобразующий всю ситуацию в целом. В нашем лице мимо стен Кремля, сквозь спешащую толпу шли не просто конкретные люди, но образы вполне типические, даже архетипические для данных мест. Заслуженный профессор, выходящий из дворика Московского (в прошлом императорского, ныне государственного) университета,

и два его ассистента, или более младшие коллеги. И разговор, при всей его житейской, сиюминутной перемешанности, был, в конечном, некоем суммирующем итоге архетипическим — о путях, препонах, контексте познания. Мы тем самым невольно, неосознанно, но вполне реально встали в ряд исторический, культурный, жизненный, начала и даже очертаний которого не могли актуально видеть, но он придавал вне- и надситуативный (термин В.А. Петровского), надличностный смысл происходящему. Теперь, когда В.В. уже нет в живых и я знаю, что та прогулка с ним была последней, возникает, вернее, обнаруживает себя еще один источник, вектор смыслопонимания: он указывает на преходящесть момента и вечность над ним. Вечность пускает стрелы времени, и одна может оказаться последней, смертельной для живущего. Она как высокий властелин сама не приходит, а шлет полномочного, но временного представителя или исполнителя. Тем самым временным вечность обнаруживается и властно напоминает о себе. Мгновение оказывается застигнутым, обозначенным, приостановленным, и потому представленным для созерцания, отражающим исход в двух значениях: как начало и конец, как их соединение и развертка. Казалось бы, продукт, постройка эта хрупка, эфемерна, преходяща, легко рушима потоком, злобой повседневности, но — одновременно — лишь она действительна и постоянна. Не она исчезнет и пройдет. Уходим мы, она же, пусть лишенная конкретного имени и ясных очертаний, останется как вежа, одобрение, путеводный знак для других, еще не пораженных стрелой времени, еще не свершивших свой исход.

Разумеется, речь сейчас о высших уровнях смыслового опосредствования, о тех внутренних полях, которые ведут, дают опору, средства (опосредствуют) человека. Будучи, однако, по своей психологической сути "внутренними", они, как справедливо подчеркивает В.П. Зинченко, объективно суть внешние, вне человека находящиеся. В самом деле — разве сфера поэзии в поэте? Отнюдь, она вовне, вспомним чуть ироничные строки Ахматовой:

Подумаешь, тоже работа, —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.
Налево беру и направо
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все — у ночной тишины.

Или — разве наука заключена в ученом? Конечно, нет, она вне его. Эти смысловые поля, вне нас находимые, суть наши опоры, и они такие же объективные (со временем даже осязаемые), как

твердь земли. Поле науки психологии не порождено Выготским, Рубинштейном, Леонтьевым, Гальпериним, Зейгарник или Давыдовым, но ярко выражено через них. Умирает ученый, а не наука. Наука же свершается в любом месте, где есть люди, способные войти в ее поле, освоить и преумножить его. Но не они это поле порождают, они его подтверждают, свидетельствуют его существование. Отсюда редкий, но абсолютно реальный феномен "невидимых колледжей", когда разные, отстоящие друг от друга во времени и пространстве, не знакомые друг с другом ученые тем не менее оказываются на деле тесными сотрудниками, словно находящимися, работающими в деятельном и непосредственном контакте, под крышей одного учреждения. Отсюда же обилие вполне зримых, видимых колледжей (институтов, университетов, академий), но омертвелых, находящихся вне полей и пространств науки, вполне представленных в материальном плане, но не обеспеченных идеально.

Здесь необходимо добавить, что смысловой образ мира для каждого специфически конфигурирован, одни поля видятся как в дымке, намеке, искажении, другие, напротив проработаны и освоенны, стали основой самовыражения.

Для поэта выступающим, определяющим в этой конфигурации будет поле поэзии, метафорической фиксации ускользающего бытия (как писал Владимир Маяковский: "Я поэт, этим и интересен"). Для ученого – поле науки, поиск истины в понятиях. И он настолько ученый, насколько чувствует, страдает, отвечает за это поле.

Но – возразят – жизнь многообразна, многолика и каждое поле ее самоценно, все мы люди и ничто человеческое нам не чуждо, стоит ли поэтому одно какое-то поле идентифицировать с человеком, выделять как главное? Разумеется, человек многогранен и неисчерпаем, но при всем многообразии обычно лишь в одном он может обрести искомое, вернее, одно лишь в данный момент может выбрать как поле, инструмент, пространство борьбы за это искомое. Недавно в преклонном возрасте скончался выдающийся японский режиссер Акира Куросава. Ему принадлежат слова: "Если из моей жизни вычесть кинематограф, то останется ноль". Как же так – большая сложная жизнь, друзья, любовь, семья, утраты, приобретения и такие слова? Но это не потому, что не было

остального или все оно было незначимым, а потому, что лишь в мире киноискусства, через мастерство режиссера он выразил, точнее стремился, жаждал выразить то, что лежит за всем – дружбой, любовью, семьей, утратами, приобретениями, вообще жизнью человеческой, так искал он средства, алфавит, знаки, и из них составил он свое слово обо всем этом, которое теперь читаем и мы.

Итак, опосредствование как всеобщая категория имеет разные уровни. В своих высших проявлениях узел опосредствования помещен в существующие вне человека смысловые пространства. Деятельность не порождает этих пространств, но является способом их выражения и приобщения к ним. В каждом человеке они могут быть оживлены, засвидетельствованы жизнью или затухают, преданы забвению, поруганию, извращены. Все вместе они образуют *единое смысловое поле человечества*, противостоящее разрушению, удерживающее мир от сползания и распада. Человек становится здесь посредником, медиатором, проводником, условием существования и действия этого поля. Равно так же он может стать разрушителем и растратчиком его созидательных энергий. Психологию, не учитывающую этих уровней, вряд ли можно назвать полной. Вспомним в связи с этим еще раз Выготского, призывавшего строить не глубинную, а вершинную психологию человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
2. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
3. Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
4. Брушлинский А.В. Деятельность и опосредствование // Психол. журн. 1998. № 6.
5. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
6. Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
8. Межуев В.М. Культура как философская проблема // Вопр. филос. 1982. № 10.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.